

Юрий САВВАТЕЕВ
г. Петрозаводск

О ЧЕМ СКОРБЯТ

НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ОНЕЖСКОГО ОЗЕРА

*Радость видеть и понимать
есть самый прекрасный дар природы.
(Эйнштейн)*

Онежские петроглифы в начале XXI в.

Нынешнее состояние достопримечательного места с онежскими петроглифами вызывает озабоченность.

Перед нами один из важнейших источников изучения древнейшего прошлого нашего края, его культуры, верований и обрядов, образа жизни населения, связей и контактов с окружающим миром, особенностей сознания и мышления первобытной эпохи. Казалось бы, необходимость сохранения и музеефикации археологических памятников на восточном бере-

гу Онежского озера очевидна. Но желание изменить ситуацию к лучшему, вести конструктивную, целенаправленную деятельность даже у причастных к достопримечательному месту организаций и лиц пока проявляется слабо.

Убедительное тому свидетельство – отсутствие сторожевой охраны и продолжающиеся случаи вандализма со стороны невежественных посетителей.

Что же мешает успешной работе на этом поприще? Сказывается ведомственная разобщенность. По формальным показателям онежские петроглифы не являются «бесхозными». Они так или иначе связаны с разными учреждениями и ведомствами. Основная часть

**Скорее всего,
они скорбят
по отсутствию
должного внимания к ним.
Несмотря
на мировую известность,
научную
и
культурно-историческую
значимость,
статус памятника
федерального значения,
у них все ещё
не появился
по-настоящему
заботливый хозяин.**

наскальных полотен и прилегающих к ним древних поселений входит в состав государственного комплексного ландшафтного заказника регионального значения «Муромский», созданного в 1986 г.

В декабре 2009 года постановлением правительства Республики Карелия утверждено новое «Положение о государственном комплексном (ландшафтном) заказнике регионального значения «Муромский». Границы, состав и назначение охранных зон онежских петроглифов и других памятников археологии, расположенных в пределах этих зон, режим их содержания и использования остались прежними.

Ландшафтный заказник «Муромский» образован «без ограничения срока действия». Расположен он в Пудожском районе РК, на восточном берегу Онежского озера, между устьем реки Водла и Муромским монастырем. Общая площадь заказника составляет 32000 га. Из них на лесной фонд приходится 30258 га. В него вошли мыс Гажий Нос, мыс Кладовский Нос (Кладовец), мыс Бесов Нос, мыс Пери Нос, мыс Карецкие Носы, а также острова Большой и Малый Гурий, остров Модуж.

На них и сосредоточены наскальные полотна и основная часть древних поселений. Петроглифы и стоянки в устье реки Водла и на острове Большой Голец остались за пределами заказника. Контроль за соблюдением установленного режима особой охранной территории ландшафтного заказника возложен на Министерство сельского, рыбного хозяйства и экологии РК.

Заказник «Муромский» образован «в целях сохранения типичных и уникальных природных комплексов и объектов, памятников истории и культуры юго-восточной части Республики Карелия, поддержания экологического баланса, а также развития туризма и создания условий для активного отдыха населения». Однако, на наш взгляд, основное внимание уделяется «использованию, охране, защите и воспроизводству лесов» силами Гакугского лесничества ГУ РК «Пудожское центральное лесничество». Их в первую очередь интересуют лесные массивы водозащитной и водоохраной зон Онежского озера. Сами наскальные изображения проходят «по другому ведомству».

Привлекательны эти объекты для музеев, учебных заведений, турфирм. Министерство культуры РК ведет учет археологических памятников, отслеживает их состояние. Не могут оставаться равнодушными к онежским петроглифам, расположенным рядом с ними древним поселениям и почти первозданной природной среде туристы, путешественники, местное население. Для Пудожского района это настоящий бренд, ценный объект куль-

турно-исторического наследия, который можно использовать в сфере образования, просвещения, краеведения, познания местной истории.

Хотя заинтересованных учреждений, организаций и должностных лиц довольно много, но они сильно разобщены. Необходимо собирать их полномочных представителей для обсуждения хотя бы самых насущных проблем и практических дел. Без таких рабочих встреч на уровне района и республики побороть стихию, перейти к согласованной целенаправленной работе во благо Пудожского района и Республики Карелия значительно труднее.

Недостаточная деятельность в плане охраны и музеефикации вредит престижу онежских петроглифов в нашей стране и за рубежом. Показательно, что они все еще не включены в Список всемирного наследия ЮНЕСКО, хотя все основания для этого были и остаются.

Уместно напомнить, что в прошлом году в Москве издан большой, хорошо иллюстрированный подарочный альбом «Сокровища человечества. Памятники культуры, внесенные в Список всемирного наследия ЮНЕСКО» (перевод с немецкого). В аннотации книга представлена как большая иллюстрированная энциклопедия и одновременно информационный путеводитель туриста и путешественника. В нем свыше 500 памятников культуры – величайших достижений нашей цивилизации в области живописи, скульптуры, архитектуры и градостроительства.

Читателя приглашают «... в увлекательное путешествие по странам и континентам» с целью познакомиться с первобытными наскальными рисунками, древними каналами и акведуками, побывать в соборах и монастырях, оценить красоту садово-парковых ансамблей, восхититься средневековыми замками, побродить по историческим центрам городов Европы и Азии. В альбоме-путеводителе представлены наиболее ценные памятники наскального искусства Франции, Испании, Норвегии, Швеции и других стран. Онежских (как и беломорских) петроглифов там, к сожалению, не оказалось.

Но они не забыты. Всемирный фонд памятников включил петроглифы Карелии в список 100 мировых объектов 2002 г., подверженных угрозе разрушения. В Карелии этот факт по существу остался незамеченным, во всяком случае не вызвал ответной реакции.

Еще одна причина неблагополучия – нестыковка общероссийского и республиканского законодательства, пробелы в правовой базе.

На пути к истине

Истоки рассматриваемой проблемы уходят далеко в прошлое. Первооткрывателем онежских петроглифов обычно называют геолога, консерватора Минералогического музея Императорской академии наук в С.-Петербурге Константина Ивановича Гревинга (1814–1887). В 1848 г. по поручению Академии наук и Российского географического общества он проводил длительное «геогностическое» исследование на территории Олонецкой и Архангельской губерний, преимущественно по берегам Онежского озера и на полуострове Канин Нос. Оно длилось пять месяцев – с мая по октябрь. В ходе его на восточном берегу Онежского озера кто-то из жителей деревни Бесоносавская, видимо, показал ему высеченные на прибрежных скалах Бесова Носа и Пери Носа изображения. Здесь К.И.Гревинг увидел и описал «три ранее не известные ученым группы картин».

Знал о них и учитель истории и статистики Петрозаводской гимназии П.Г.Швед, побывавший здесь в том же году и зафиксировавший те же самые участки наскальных полотен на тех же мысах Бесов Нос и Пери Нос. В 1850 г. он первым опубликовал в «Известиях Русского географического общества» небольшую заметку «Крестовый и Пелий мысы» (с одним листом рисунков). Узнав о ней, К.И. Гревинг решил обнародовать и свои материалы.

Его сообщение привлекло внимание известного русского публициста, просветителя-энциклопедиста, прозаика и литературного критика Н.Г.Чернышевского. Он поместил в журнале «Отечественные записки» в разделе «Новости литературы, искусств, наук и промышленности» (№9 за 1854 г.) свой отклик под заголовком «Запись К.Гревинга о рисунках на берегу Онежского озера». «При скудости археологических открытий, – писал Н.Г.Чернышевский, – тем приятнее нам представить извлечение из записки К.Гревинга».

Таким образом, первые публикации о наскальных изображениях Онежского озера появились более 160 лет назад. Они привлекли внимание, но осознание истинной ценности находок пришло далеко не сразу. Да и сам процесс открытия петроглифов Карелии затянулся на долгие годы.

Продолжающиеся и поныне все новые и новые открытия привлекали внимание к памятнику, повышали его научно-познавательную значимость. Он становится все более ценным источником и для изучения монументального наскального искусства Евразии и первобытной эпохи в нашем крае. Приоритетными оставались фиксация, копирование и документирование, с одной стороны, и выяснение смыс-

ла и назначения – их расшифровка и «историческая интерпретация», с другой. Корректировалась и общая оценка онежских петроглифов как одного из очагов широко распространенного по странам и континентам монументального наскального искусства, в котором отчетливо проступают как общие закономерности, так и местные особенности.

На разных этапах знакомства с наскальными рисунками Онежского озера они воспринимались по-разному. Менялись восприятие, суждения, трактовки. Перед каждым посетителем неизбежно вставал вопрос: о чем повествуют эти необычные листы каменной книги? Как связаны отдельные фигуры и сцены между собой, в какой последовательности заполнялись наскальные полотна? Восприятие скальных гравировок – особая тема, и мы ее только обозначим.

Естественно, что обычно ответы приходили не сразу, особенно если не было путеводителей, справочной литературы, гидов. Тогда приходилось опираться на личный опыт, собственные знания и представления о далеком прошлом, какие-то аналогии и параллели из реальной жизни. Отсюда и желание сопоставить гравировки с тем, что уже знакомо, вычленив более понятные, реалистические фигуры и сцены. А их не так уж мало. Вот лебеди, лоси, северные олени, рыбы, изображения лодок, сцен охоты и промысла, орудий труда.

Первооткрыватели во многом опирались как раз на параллели и ассоциации с натуральными предметами из реальной повседневной жизни. Отсюда фиксация наличия пилы, зеркала, топора и т.д. Такая «приземленность» сбивала с истинного пути, не соответствовала действительности. Зачастую даже известные ученые ограничивались пересказом трактовок К.И.Гревинга и П.Г.Шведа. Сказывалось отсутствие предшественников и их опыта. Знание и понимание наскальных рисунков еще только складывалось. Спонтанно возникающие вопросы – кто, когда и зачем высекал фигуры – долгое время оставались загадкой.

Уже вскоре после открытия онежские петроглифы стали использоваться для сравнения с наскальными изображениями других районов Евразии. И здесь не обходилось без весьма вольных суждений. Привлекала тема заимствований отдельных образов и сюжетов из весьма отдаленных мест – Сибири, Средней Азии, Древнего Востока, Египта, Скандинавии. Но зачастую подмеченное внешнее сходство сильно преувеличивалось, а местные особенности недооценивались.

Со временем «натуралистический» подход в трактовке онежских петроглифов начал подвергаться сомнению. Семантика выбитых фигур и сцен стано-

вится особым направлением исследований. Возобладало представление об их символической природе. Убедительным свидетельством тому, что они прошли «сквозь призму первобытного сознания» и мышления, служили загадочные изображения и сцены наскальных полотен, наделенные сверхъестественными чертами и признаками, указывающими на их мифологическую подоснову.

При интерпретации онежских петроглифов стали принимать во внимание тезис, что они отражают не столько материальную, производственную, сколько творческую деятельность – «духовное производство». Перед нами продукт верований и обрядов, мироощущения и мировосприятия творцов и почитателей рисунков, отражение их представлений об окружающем мире, стремления осмыслить и передать накопленный опыт современникам и последующим поколениям. Совсем не случайно их выбивали камнем по камню, превращая в «вечные письмена». Они оказались трудным объектом для научного познания. Пройденный путь можно подразделить на несколько периодов или этапов, отражающих и цикличность, и линейность общего процесса осмысления наскальных полотен.

Онежские петроглифы обретают известность

На первом этапе основным источником информации об онежских петроглифах оставались сообщения К.И.Гревинга и П.Г.Шведа. Её использовал известный исследователь сибирских древностей Г.Спасский при сравнительном анализе немногочисленных еще памятников наскального искусства Евразии. Словарная статья «Бесов Нос, мыс на Онежском озере» помещена в географическо-статистическом словаре Российской Империи академии наук, составленном П.Семеновым (т.1, 1862 г.). Ю.Аспелин включает рисунки К.Гревинга в атлас финно-угорских древностей (1877). А.В. Брёггер опирался на них при выяснении генезиса наскальных изображений Скандинавии. Упомянем и статьи известного краеведа Олонецкого края С.С. Шайжина, филолога Е.В.Барсова.

Особый интерес вызывает статья олонецкого вице-губернатора, известного краеведа Европейского Севера России А.Ф.Шидловского (1863–1942) «Доисторические памятники на восточном берегу Онежского озера», опубликованная в «Известиях общества изучения Олонецкой губернии» за 1914 г. Статья «компилятивная», автор пересказывает опубликованные ранее заметки, прежде всего К.И.Гревинга и П.Г.Шведа. Но

она дает общее представление о начальном этапе знакомства с онежскими петроглифами. Воспроизводятся и копии (зарисовки от руки) двух скопленных на мысах Бесов Нос и Пери Нос.

И зарисовки, и трактовка «групповых изображений» оставались весьма несовершенными. Удивляет, что А.Ф.Шидловский даже не упоминает об исследовании онежских петроглифов шведским ученым Г.Хальстромом (1880–1949) в 1910 г., а затем и в 1914 г., когда он прибыл вместе с Майклом Бириком из Кембриджа и Бредри Шнитгером из Стокгольма. Их полевые работы прервала начавшаяся Первая мировая война. Они успели с высокой точностью «скалькировать» 412 фигур. Велось и фотографирование. Но, к сожалению, полученный богатый материал остался неопубликованным. Позднее глава ленинградской школы археологов А.А.Спицин заметил: «...Никого не манил этот отрывочный, слабый и трудный для понимания материал». Его трактовка онежских петроглифов тоже весьма субъективна, допускает разное их толкование.

На втором этапе, уже в советское время (1920–1950-е годы), ситуация меняется, растет интерес к археологическим памятникам Севера Европейской части страны. Не остались забытыми и петроглифы Онежского озера. Обратиться к ним вновь заставил случай – неожиданное открытие летом 1926 года студентом Ленинградского университета Александром Линевским наскального полотна «Чертовы следки» («Бесовы следки») на острове Шойрукшин в низовье реки Выг. Сравнение с давно известными петроглифами Онежского озера просто напращивалось. А.М.Линевскому (1902–1985) пришлось исследовать и их.

Зантересовался ими и московский археолог А.Я.Брюсов (1885–1966) – младший брат известного русского поэта, прозаика, драматурга, литературного критика Валерия Брюсова – начавший изучение следов древних поселений на южном побережье Белого моря. И здесь, на восточном берегу Онежского озера, его больше занимали поиски и раскопки расположенных поблизости от наскальных полотен древних стоянок. Занимался он и фиксацией наскальных рисунков, их фотографированием. Собранные материалы использовались им при подготовке обобщающего труда «История древней Карелии» (М.1940).

Мощный импульс исследованию онежских петроглифов дал ленинградский археолог В.И.Равдоникас (1894–1976). Карелия была ему хорошо знакома, в 1936–1938 гг. он вел раскопки Оленеостровского могильника на Южном Оленьем острове недалеко от Кижей. Добытые археологические коллекции имеют исключительную ценность

для Европейского Севера. Теперь они датируются более ранним временем – концом VI – началом VII тысячелетия до нашей эры, т.е. поздним мезолитом. А значит, с наскальными рисунками на восточном берегу Онежского озера не связаны. В.И.Равдоникас такой связи не только не исключал, но считал ее реальностью.

В 1934 г. он знакомится с онежскими петроглифами на месте, а в 1935 г. организует небольшую по составу экспедицию, в составе которой были художник Л.А.Иванова и фотограф А.А.Гречкин, а также А.М.Линевский и Н.Н.Гурина. К этому времени, по подсчетам В.И.Равдоникаса, в Карелии было известно свыше 700 выбитых на прибрежных скалах фигур. Опубликовано же не более 100. К тому же ни одно наскальное полотно еще не воспроизводилось целиком. Да и опубликованные копии вызывали у В.И.Равдоникаса немало справедливых нареканий. Он решил заново скопировать и опубликовать все скопления петроглифов, ввести в научный оборот, предложить свою «историческую интерпретацию» памятников и тем самым дать толчок новому научному направлению – петроглифоведению.

Начать было решено с онежских петроглифов. Основное внимание концентрировалось на копировании и документации. Попутно велись и поиски новых, в ходе которых удалось выявить еще не менее 150 изображений. Настоящим событием в отечественной археологии и истории первобытного общества стало появление фундаментального труда «Наскальные изображения Онежского озера», изданного уже в следующем 1936 г. Это была первая часть из трех задуманных. Она получила высокую оценку специалистов как в СССР, так и за рубежом. Г.Хальстрем, высоко оценивший ее, отказался даже от публикации своих материалов, собранных в 1910-х гг. Позднее он издал лишь копию наскального полотна, оказавшегося в Эрмитаже.

Вслед за первой частью планировалось подготовить и издать вторую – «Наскальные изображения Белого моря», а затем и третью – «Монографическое историко-культурное исследование». Оно, к большому сожалению, так и не появилось. В первой части не оказалось петроглифов, вывезенных в Эрмитаж. По признанию автора, это был «досадный провал», образовавшийся по не зависящим от него причинам. Их планировалось представить во второй части, но они почему-то не попали и туда.

Отмечалось, что введение первой части «относится ко всему изданию в целом». Оно пронизано острой полемикой.

Весьма резкой и нелицеприятной критике подвергся А.М.Линевский как за качество его копий, так и за трактовку многих фигур и сцен, их «исто-

рическую интерпретацию». Он тоже много времени и сил отдал копированию изображений. Но основное внимание все же сосредоточил на их интерпретации. Итогом стала монография «Петроглифы Карелии» (Петрозаводск, 1939), которую сам автор считал своей лучшей научной работой. В 1944 г. состоялась ее защита в Московском университете в качестве кандидатской диссертации. Вслед за «Петроглифами Карелии» А.М.Линевский публикует «Очерки по истории древней Карелии. Часть I». Планировалась и часть II, но она тоже не появилась.

Во второй половине XX века на поле петроглифоведения заступили новые действующие лица. Среди них убежденный последователь В.И.Равдоникаса, ленинградский этнограф К.Д.Лаушкин (1922–1994), специалист в области первобытной идеологии. Он предложил вести расшифровку петроглифов Карелии методом билингвы – двуязычной надписи. Суть его заключается в выявлении сходных образов и сюжетов на наскальных полотнах и в традиционном устном народном творчестве, прежде всего эпосе «Калевала» и самском фольклорном материале. Обращение к персонажам и образам устного народного творчества предпринималось уже не раз и прежде, но не так обстоятельно. Его расшифровки отдельных образов и особенно сцен из скоплений онежских петроглифов – настоящие повествования. Опыт своего «прочтения» некоторых «листов каменной книги» К.Д.Лаушкин изложил в работе «Новое Онежское святилище».

Продуктивным стало участие в полевых работах на онежских петроглифах и их исследовании ленинградского археолога, ведущего специалиста по палеолитическому искусству А.Д. Столяра и московского искусствоведа Р.Б. Климова. Опираясь на труды предшественников, они попытались глубже проникнуть в не решенные еще проблемы, лучше понять последовательность нанесения отдельных фигур и сцен на скальные полотна, их смысл и содержание, особенности данного очага наскального искусства.

Самый конец XX – начало XXI в. можно выделить в современный этап исследования онежских петроглифов, отмеченный немалыми успехами. Весьма показательно то, что продолжалось открытие новых скоплений, фигур, сцен, разведки и раскопки расположенных по соседству разновременных стоянок. Подготовлены и будут изданы обобщающие научные и научно-популярные книги. Важная особенность данного этапа – активное участие специалистов из Финляндии, Швеции, Норвегии, Англии и других стран. Осуществлен ряд международных проек-

тов, как правило, комплексных, с участием специалистов разных научных направлений.

Особо актуальными становятся прикладные проблемы, связанные с охраной и использованием онежских петроглифов. Они стали более востребованными. Нарастал поток посетителей разного возраста, профессий, уровня образования, национальной принадлежности. Нередко появлялись семьи с детьми школьного и даже дошкольного возраста. Охотно приезжают сюда жители Москвы, Санкт-Петербурга, Вологодской области. Но, похоже, турфирмы в организации потока посетителей, их обслуживании участия не принимают. Доминируют стихия, личная инициатива и выбор. Нет подготовленных экскурсоводов. Не приобрести здесь и нужной справочной литературы – буклетов, путеводителей, брошюр, научно-популярных изданий. Нет сувенирной продукции, продуктов питания, других необходимых услуг.

Что делать?

Пора, наконец, от слов переходить к делу. Оптимальный вариант решения проблемы – создание в рамках Муромского ландшафтного заказника «Ландшафтного и археологического музея-заповедника «Бесов Нос». Он может стать еще одним культурно-образовательным очагом на территории РК – государственной структурой, подчиненной Министерству культуры РК, со штатом в 6-7 человек. Как минимум, двое из них должны заниматься сторожевой охраной. Потребуется свое положение или устав, определяющие формы и направления деятельности, права и обязанности сотрудников, инфраструктуру и материально-техническое обеспечение, источники базового и дополнительного финансирования и т.д. Желательно, чтобы работники данной управленческой структуры проживали по возможности ближе к объектам своей деятельности.

На первых порах возможны и какие-то переходные формы организации – филиал одного из республиканских музеев, районный музей под открытым небом и др. Главное – по возможности быстрее определить хозяина столь притягательного объекта, пригодного для развития самых разных форм туризма, включая зарубежный. Здесь можно проводить школьные лагеря, студенческую практику, выездные научно-практические конференции, семинары, симпозиумы, рабочие встречи (включая международные), обсуждение экологических и организационных проблем, принимать самых высоких официальных лиц.

При организации подобной структуры неизбежно

встанет вопрос об использовании территории заказника «Муромский» с учетом требований лесничества. Особенно, если деятельность ее будет круглогодичной. У этой новой структуры три опоры: сами наскальные полотна, расположенные рядом с ними древние поселения и природная среда во все времена – настоящее, геологическое и археологическое. Она претерпевала существенные изменения. И этот процесс развития, включая историю Онежского озера, не останется без внимания. Притягательными могут стать лыжные прогулки по выразительному рельефу зимой, пешие прогулки по лесным дорожкам, тропам и тропинкам летом, рыбалка, выходы в озеро на моторных лодках и катерах, купание и отдых на пляжах, знакомство с прибрежным рельефом и ландшафтом, его растительным и животным миром. Здесь отличные условия для индивидуального, личного творчества.

Создание предлагаемой структуры вряд ли возможно без поддержки правительства РК. Прецедент уже был. В 1934 г. Совнарком КАССР принял постановление о создании на мысах Бесов Нос и Пери Нос «заповедника общенационального значения». Кстати, в том же году с мыса Пери Нос в Государственный Эрмитаж вывезена (без достаточных на то оснований) большая гранитная плита, названная «Крышей», с выразительным скоплением выбитых фигур и сцен. Ранее, в 1927 г., с того же мыса сравнительно небольшой по площади и числу фигур фрагмент наскального полотна был доставлен в Карельский краеведческий музей. Необычные экспонаты стали достопримечательностью постоянных экспозиций названных музеев.

Заповедник «Бесов Нос» находился при Карельском научно-исследовательском институте культуры. В 1939 г. его передали в ведение Карельского государственного краеведческого музея. Великая Отечественная война прервала деятельность заповедника, и о нем надолго забыли. В 1960 г. петроглифы Карелии согласно постановлению Совмина РСФСР получили статус памятников истории и культуры федерального значения. В 1966 г. уже Совмин КАССР принял постановление «Об охране петроглифов в КАССР». Позднее выходили новые решения и постановления, но далеко не все их предписания исполнены. Правда, исследование онежских петроглифов, подготовка и издание посвященных им научных и научно-популярных работ, несмотря на все трудности переходного времени, продолжались.

В последние годы онежские петроглифы подвергались новым угрозам. Настоящим бичом с 2003 г. стало нашествие джиперов-экстремалов на внедорожниках. Вездеходы с трех сторон, минуя все преграды, добиваются до Бесова Носа.

Они движутся по берегам, пересекая прибрежные валы и дюны, выезжают на пляжи, совершенно не считаясь с правилами пребывания здесь. В прибрежной охранной зоне появление техники вообще запрещено. Выходит, что для джиперов все возможно. Воспрепятствовать их появлению у петроглифов не может ни заказник «Муромский», ни местное Гакугское лесничество.

Продолжаются и акты вандализма невежественных посетителей – современные выбивки, разведение костров на скалах, порча щитов с информацией, указателей и охранных знаков, накапливается мусор на пляжах. Несмотря ни на что указатели маршрутов и щиты с информацией, на наш взгляд, необходимо приводить в порядок ежегодно, а виновных в их порче наказывать в обязательном порядке. Вопрос о том, как оформлять такие охранные знаки и указатели, где их располагать, тоже нужно решать сообща. Они должны гармонизировать с местностью.

Все еще не решен окончательно вопрос о местах остановок неорганизованных посетителей, желающих провести здесь несколько дней или недель. Вопреки запретам, такие зоны придется выделить во избежание хаоса и неопределенности для приезжих. Длительные стоянки в центральной части комплекса, между мысами Кладовец, Бесов Нос и Пери Нос нужно категорически запретить. Исключение может быть сделано только для исследователей.

Вполне комфортными остаются берега и пляжи между устьем реки Черной и мысом Гажий в южной части и мысами Пери Нос и Карецкий в северной. Здесь разместятся все желающие. Они могут жить в палатках, разводить костры, готовить пищу. Здесь легче соблюдать правила поведения и обеспечивать противопожарную безопасность местности.

Скопления наскальных изображений можно рассматривать с разных сторон – и с суши, и с воды. Востребованными наряду с моторными лодками и катерами могут стать и гидродельталеты, позволяющие увидеть береговую линию и мысы с рисунками с воздуха.

Предстоит обновить справочную литературу об онежских петроглифах. К туристическому сезону 2013 г. должен появиться путеводитель, подобный путеводителю по беломорским петроглифам «Каменная книга Севера» Игоря Георгиевского и Надежды Лобановой (Петрозаводск, 2012 г.). Желательны путеводители и иного типа, объема, формата и цены. Готовится переиздание научно-популярной книги автора этой статьи «Вечные письмена» о наскальных изображениях Карелии (Петрозаводск, 2007).

Общение с наскальными полотнами и прилегающей к ним местностью приносит посетителям истинную радость, оставляет след в памяти. Происходит своего рода соприкосновение с вечностью – прошлым и будущим.

Пора подумать и о подарочных альбомах с онежскими и беломорскими петроглифами. Все материалы для них уже собраны, есть и авторы, готовые взяться за эту нужную и ответственную работу. Такие альбомы будут лучшей рекламой для самих памятников и отличным подарком для высоких гостей РК. Подобные издания интересны также и для науки, поскольку обогащают ее источниковую базу и историографию. Склоняясь над таким альбомом, захочется думать, размышлять, сравнивать представления древних жителей края, их мироощущение и мировосприятие, деление окружающего мира на небесный, земной и подводный. Природа здесь многолика, необычайно красочна и разнообразна. Восходы и заходы солнца, движение луны, ураганы и шторма, сильное волнение и полный штиль на Онежском озере, грозы с раскатами грома, отражение в реке Черной береговой кромок – все это и многое другое оставляет сильное впечатление.

Как сохранить это достопримечательное место в неприкосновенности? Нужно вернуться к этой теме еще раз и сообща выработать концепцию и программу действий на ближайшую и более отдаленную перспективу, хорошо обосновать их.

Повторим, что самым перспективным шагом стало бы создание природного и археологического музея-заповедника «Бесов Нос». Нужно выделить опорные места для его деятельности. Их может быть три. Основное – это заброшенная деревня Бесов Нос. Здесь самое подходящее место для офисов, гостевых домиков, служебных помещений, включая смотровой зал и библиотеку. Не помешает и фермерское хозяйство.

Вторым местом для построек может стать устье реки Черной, наиболее пригодное как место стоянки лодок и катеров. Отсюда удобно начинать экскурсии по воде – к мысам с петроглифами, ближайшим островам, в Муромский монастырь. Рядом места рыбалки – и летней, и зимней. Здесь тоже должны быть созданы условия для круглогодичного пребывания.

Наконец, третье место – оконечность западного (центрального) мыса Бесов Нос. Его оживляет закрытый уже маяк, который следует непременно сохранить. В нижней части можно оформить комнату площадью около 20 кв.м и разместить в ней необходимую информацию об экскурсионных маршрутах, вести регистрацию посетителей (почти все стремятся попасть прежде всего сюда – на

Бесов Нос), знакомить с правилами поведения, продавать путеводители, буклеты, научно-популярные издания, сувенирную продукцию. Пригодится эта комнатка и сторожевой охране. В ней легче переждать непогоду, передохнуть, зафиксировать впечатления и отзывы посетителей.

Нормальным посещение онежских петроглифов будет тогда, когда появятся надежные пути к ним. Пока царит бездорожье, что на руку только любителям экстремальных поездок на вездеходах. Проще и быстрее попадать к наскальным полотнам со стороны озера. Прямо из Петрозаводска или из поселка Шала, от причала. Но перевозчиков на моторных лодках и катерах по этим направлениям пока все еще совсем мало. Возможен и пеший переход из Шалы по берегу и пляжам Онежского озера. Длина его около 18 км. Весь путь можно неспешно преодолеть за 5-6 часов. Дорожная инфраструктура – одно из условий успешной деятельности новой структуры, в какой бы форме она ни рождалась. Сама атмосфера освоенного и обжитого пространства будет содействовать его охране, более активному и качественному использованию. Здесь особая аура, которую источают прибрежные скалы, наскальные полотна и сами заинтересованные посетители.

Собственно освоение пространства уже началось предпринимателем из Москвы, который приобрел прибрежный участок в устье Водлы на левом ее берегу, в прекрасном сосновом бору. Впечатляет и сама местность, и предложенная застройка. Для нее выбрана небольшая площадка, на которой возведено 10 связанных между собой однотипных

бревенчатых гостевых домиков, площадью около 20 кв.м, с одним небольшим окном. Их соединяют переходы, веранды, лестницы. В центре окаймленной постройками территории большая терраса со скамьями и столом для встреч, бесед, трапез. Проектировщики, видимо, исходили из того, что жизнь здесь будет протекать в основном на открытом воздухе, на лоне природы.

Почти готовый «архитектурный мини-ансамбль» вот уже несколько лет заброшен. Это почти готовое место для предлагаемой нами структуры. Поначалу она могла бы размещаться и здесь, тем более что совсем рядом, на другом берегу р. Водлы, находятся наскальные изображения. Подобный мини-ансамбль прекрасно смотрелся бы и в заброшенной деревне Бесов Нос. Возведение его не потребует слишком больших затрат.

Все вышесказанное – лишь рабочий материал для обсуждения заинтересованными лицами и организациями с целью выработки конструктивной программы практических действий. Естественно, она должна предусматривать и продолжение научных исследований.

Обсуждение связанных с онежскими петроглифами тем и проблем, их пропаганда и популяризация должны вестись спокойно, по-деловому, без громких слов, высокопарных заявлений и утопических проектов. Их нужно рассматривать в общем контексте природного и культурно-исторического наследия Республики Карелия и Пудожского района, как один из объектов этого наследия.

Юрий Александрович САВВАТЕЕВ

*Доктор исторических наук,
в 1988-2005 гг. возглавлял Институт языка,
литературы и истории КарНЦ РАН.
В 1955-1985 гг. проводил разведки и раскопки
древних поселений в разных районах Карелии.*

*Открыл десятки стоянок и новые скопления наскальных изображений
в низовье р. Выг в юго-западном Прибеломорье
и на восточном берегу Онежского озера.*

*Автор шести книг, среди которых «Залавруга», «Наскальные рисунки
Карелии», «Петроглифы Карелии», «Вечные письмена»
и более 100 иных научных публикаций.*

*Советник РАН, заслуженный деятель науки
Российской Федерации и Республики Карелия.
Награжден почетными грамотами и медалями.*

